

АЛЕКСАНДР ГОЛЬЦ

ПЕРЕЖИТЬ ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ

О П Ы Т   Д И П Л О М А Т И И

Легенды мировых войн

Александр Гольц

**Пережить холодную
войну. Опыт дипломатии**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62

Гольц А. М.

Пережить холодную войну. Опыт дипломатии / А. М. Гольц —
«Издательство АСТ», 2021 — (Легенды мировых войн)

ISBN 978-5-17-137765-6

Александр Гольц — российский журналист, пишущий более 40 лет на темы обороны и национальной безопасности. Работал в газете «Красная звезда», журнале «Итоги» и «Еженедельном журнале». В настоящее время шеф-редактор онлайн портала «Ежедневный журнал». Новая холодная война стала свершившимся фактом. Шанс человечеству уцелеть дает контроль над вооружениями. Однако последние несколько лет Соединенные Штаты и Россия последовательно и планомерно уничтожали созданную за полвека систему договоров и соглашений, которые хоть в какой-то степени обеспечивали безопасность планеты. Сейчас мир обречен вернуться к поиску новых форм контроля над вооружениями. Необходимости поиска таких форм и посвящена эта книга. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-17-137765-6

© Гольц А. М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Предисловие	6
«Московский» договор	13
Договор ОСВ-1	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Гольц

Пережить холодную войну

Опыт дипломатии

* * *

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Издательство благодарит агентство ELKOST Int. literary agency за содействие в приобретении прав.

© Гольц А. М., 2021

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2021

Предисловие

Мирное сосуществование дает шанс

Новая холодная война стала свершившимся фактом. Войска России и НАТО находятся в непосредственном соприкосновении. Так же 40 лет назад противостояли друг другу Вооруженные силы СССР (Варшавского договора) и НАТО. Правда, линия этого противостояния теперь сместилась на восток – из Германии к границе России.

Штабы обеих сторон готовят сценарии маневров, которые не оставляют сомнений в том, что военные усилия направлены друг против друга. Показательно, что и эти сценарии воспроизводят схемы эпохи первой холодной войны. Если российские стратеги отрабатывают быструю переброску резервов из глубины страны к ее западным границам, то их натовские «контрпартнеры» вновь, как и десятилетия назад, концентрируются на перемещении войск из-за океана дабы отразить «русскую агрессию». Гонка вооружений уже идет полным ходом. Глава российского государства гордится тем, что Россия в этой гонке вырвалась вперед: «Впервые, хочу это подчеркнуть, впервые за всю историю существования ракетно-ядерного оружия, включая и советский период, и новейшее время, мы никого не догоняем, а наоборот, другим ведущим государствам мира еще только предстоит создать оружие, которым уже обладает Россия».¹

При этом между Москвой и Западом не только существует, но и расширяется разрыв в базовых ценностях. Стороны с прямо противоположных позиций оценивают любую проблему мировой политики и постоянно выступают в качестве соперников. Как и десятилетия назад, из регионального кризиса, в ходе которого Россия и США поддерживают противоборствующие стороны, может вырасти прямое военное столкновение. Вспомним, к примеру, как весной 2018 года начальник российского Генерального штаба Валерий Герасимов угрожал уничтожать американские «носители» крылатых ракет (то есть самолеты и корабли), если они будут представлять угрозу российским военнослужащим в Сирии.

В ситуации возвращения к схемам холодной войны было бы естественным обратиться и к ее позитивному опыту. А именно – к концепции мирного сосуществования. И суть ее в том, что стороны ясно понимают: они являются соперниками. Но при этом осознают, что единственной реальной точкой соприкосновения является обоюдное стремление к выживанию в условиях, когда их безопасность основана на поддержании стратегической стабильности.

Шанс уцелеть дает контроль над вооружениями. Однако последние несколько лет Соединенные Штаты и Россия последовательно и планомерно уничтожали созданную с немалым трудом за последние полвека систему договоров и соглашений, которые хоть в какой-то степени обеспечивали безопасность планеты. В 2019 году по американской инициативе был уничтожен Договор о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД), в 2015-м Москва окончательно вышла из Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), чем фактически убила его. В 2002-м США покинули Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО). Помимо этих действительно краеугольных соглашений похода были уничтожены и другие. Так, в 2013 году по российской инициативе была прекращена программа Нанна-Лугара, в рамках которой США оказывали содействие России в демонтаже и ликвидации ракет, подводных лодок, объектов химического оружия. В 2014-м перестало действовать соглашение о сотрудничестве по безопасному хранению оружейных расщепляющихся материалов. В 2016-м та же судьба постигла соглашение по утилизации оружейного плутония. Наконец, в ноябре 2020 года, уже после поражения Трампа на выборах, Вашингтон вышел из

---

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 15 января 2020. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

Договора по открытому небу (ДОН) в связи с тем, что «он больше не отвечает интересам безопасности США». Кремль поспешил последовать за Белым домом, заявив об отказе от выполнения положений ДОН.

В этой ситуации долго оставалась неопределенной судьба важнейшего российско-американского соглашения – заключенного в 2010 году Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ). До наступления 2020 года Москва долго тянула с началом переговоров о его продлении, желая добиться дополнительных политических дивидендов. В частности, Кремль проигнорировал зондаж администрации Обамы, предпринятый летом 2016 года, о возможности немедленного продления Договора, дабы обеспечить его сохранение при любом исходе президентских выборов. В ответ на соответствующую публикацию в газете The Washington Post пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков заявил, что никаких предложений не было вовсе. «Мы считаем, что ресурс двусторонних переговоров в сфере сокращения ядерных стратегических наступательных вооружений исчерпан», заявил тогдашний представитель России при НАТО Александр Грушко². Подтекст этого заявления был совершенно очевиден: мы не собираемся перезаключать важнейшее международное соглашение с «хромой уткой». Показательно, что, по данным СМИ, в первом же телефонном разговоре с Дональдом Трампом Владимир Путин завел речь о продлении договора и натолкнулся на более чем холодную реакцию только что вступившего в должность американского президента³.

Следует с сожалением констатировать, что обскурантистский подход к контролю над вооружениями в какой-то момент стал нормой для высокопоставленных отечественных дипломатов. Так, в 2018 году руководитель департамента по нераспространению и контролю над вооружениями МИДа Владимир Ермаков прилюдно заявил, что не видит шансов для заключения новых соглашений в сфере разоружения⁴. Объясняя свою позицию, российское внешнеполитическое ведомство сообщило, что США не убедили российскую сторону в том, что их страна неукоснительно соблюдает СНВ. Даже несмотря на то, что Россия воспользовалась своим правом на 18 проверок в год.

Надо сказать, что все это время США не демонстрировали никакого желания продлевать СНВ. Для Дональда Трампа были неприемлемы любые соглашения, которые были заключены предшественником и хоть в чем-то ограничивали американские возможности. В качестве условия продления договора США сперва выдвигали требование о подключении к нему Китая. Выполнить это требование было фактически невозможно. Руководство КНР решительно отказывается такие переговоры вести. Сегодня Китай не считает нужным сообщать даже размеры своего ядерного потенциала, ограничиваясь заявлениями, что он гораздо меньше, чем у России и США. Любое возможное подключение Пекина к переговорам о ядерном разоружении там обуславливают предварительным широкомасштабным сокращением американского и российского ядерного арсенала. Перспектив подключения Китая к будущим переговорам, таким образом, не было никаких. Что до российской позиции относительно подключения КНР к переговорам, то в МИДе пожимали плечами: хочет Вашингтон китайского участия, пусть сам и уговаривает неуступчивый Пекин. К тому же для Кремля было принципиально важно то, что соглашения и переговоры по ядерному оружию подчеркивают уникальное место России в системе международных отношений. Наша страна – единственная, которая может уничтожить самое могущественное государство на планете (а заодно и саму планету), и потому США, ведя переговоры с Россией, подписывая с ней договоры, обречены эту уникальную роль подтвер-

---

² Белый дом подтвердил данные о планах Обамы по контролю над ядерным оружием. ТАСС, 12 июля 2016. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3447017>

³ Reuters рассказал о критике Трампом СНВ-3 в разговоре с Путиным. Lenta.ru. 17 февраля 2016. <https://lenta.ru/news/2017/02/09/snv3/>

⁴ МИД: у России есть достойный ответ на любую попытку силового давления США. ТАСС. 15 апреля 2018.

ждать. Способствовать подключению КНР к этим переговорам – значит, по мнению российской стороны, играть на понижение ее статуса.

Когда же до истечения срока договора осталось лишь несколько месяцев, все же начались консультации между Москвой и Вашингтоном по «стратегической стабильности», они шли, по словам российского министра иностранных дел, «без особого успеха». США выдвинули новые практически невыполнимые условия. Администрация Трампа потребовала заморозить все ядерные арсеналы, не только те, что охватывал Договор СНВ, но и тактические боеприпасы. Решение этой задачи требовало в лучшем случае нескольких лет переговоров. Тем не менее, желая любой ценой сохранить договор, Кремль пошел навстречу Белому дому, согласившись «заморозить» на один год размер своего ядерного арсенала. При этом, правда, МИД поставил условие, что «заморозка боезарядов не будет сопровождаться никакими дополнительными требованиями со стороны США». Однако этих уступок было недостаточно для Трампа, который явно хотел поразить американцев еще одним дипломатическим успехом. Договор так и не был продлен Трампом.

Избранному президентом Байдену пришлось экстренно буквально в течение нескольких дней продлевать договор. Российский парламент поставил все мыслимые рекорды скорости, в течение суток одобрив закон о продлении СНВ на максимальный срок в пять лет. Хотя договор удалось сохранить, остается немало вопросов о том, как он будет функционировать в условиях конфронтации.

Таким образом, в очередной раз оказывается верным хоть и цинично звучащее, но, увы, подтверждаемое практикой правило: договоры о контроле над вооружениями работают, когда они не нужны, но их отменяют именно тогда, когда в них возникает потребность.

То есть тогда, когда отношения между участниками этих договоров находятся в кризисе. Похоже, что взаимоотношения ведущих мировых держав вступили в какой-то принципиально новый период, когда они не видят смысла в существовании взаимных ограничений, обязательных для соблюдения. И в России, и в США становятся все более влиятельными школы мысли, заключающейся в том, что в новых условиях договоры, создающие систему контроля над ядерными вооружениями, не нужны вовсе.

Академик Алексей Арбатов в одной из своих работ предостерегает от опасности утраты контроля над ядерными вооружениями, выделяет две группы тех, кто ратует за отказ от такого контроля⁵. Первая – «ядерные реваншисты», настаивающие, что ядерные вооружения могут быть использованы в будущей войне и что такая война не будет означать гибели человечества. Они становятся все более влиятельны. Их взгляды все больше проникают в доктринальные документы России и США. Так, в появившемся на короткое время на сайте Объединенного комитета начальников штабов США наставлении по проведению операций с применением ядерного оружия (Joint Publication 3-72, Nuclear Operations) прямо говорится, что США могут использовать ядерное оружие как оружие поля боя для «создания условий достижения перелома в боевых действиях и восстановления стратегической стабильности». Более того, подчеркивается, что ядерное оружие эффективно для «ограничения ущерба или завершения конфликта на условиях, выгодных для США, их союзников и партнеров». При этом делается вывод: «Применение ядерного оружия может радикально изменить или ускорить течение кампании. Ядерное оружие может применяться в результате провала операции, которая проводится обычными вооруженными силами, при потере управления, либо для того, чтобы эскалировать конфликт с задачей заполучить мир на более выгодных условиях»⁶.

---

⁵ Алексей Арбатов. Мировая экономика и международные отношения. Вооружения и дипломатия. 2020, том 64, № 6, с. 9–23.

⁶ Joint Publication 3-72, Nuclear Operations, Joint Chiefs of Staff, June 1, 2019, pp. III-3, V-3.

Российские документы подобного рода относятся к совершенно секретным. Однако периодически в открытые доктрины и концепции проникают пассажи, отражающие представления Москвы на сей счет. Например, в «Основах государственной политики РФ в области военно-морской деятельности», утвержденных в 2017 году, было прямо сказано, что «в условиях эскалации военного конфликта демонстрация готовности и решимости применения силы с использованием нестратегического ядерного оружия является действенным сдерживающим фактором»⁷. Авторы этого документа совершенно не смутило то, что положение о «ядерной деэскалации» (то есть использовании для сдерживания нестратегического ядерного оружия) никак не согласуется с условиями применения ядерного оружия, записанными в Военной доктрине⁸.

Что до военных экспертов, то для некоторых из них возможность использования ядерного оружия первыми в локальной войне стало общим местом. Вот, например, статья, носящая сугубо прикладной характер – о том, как защитить стартовые позиции российских стратегических ракет с помощью аэростатов, – констатирует как само собой разумеющееся: «В открытой печати специалистами анализируются различные варианты применения ЯО (ядерного оружия. – А.Г.) первыми. Главной особенностью считается ограниченный характер первого ядерного воздействия, которое призвано не ожесточить, а отрезвить агрессора, заставить его прекратить нападение и перейти к переговорам. При отсутствии желательной реакции предусматривается нарастающее массирование использования ЯО как в количественном отношении, так и по энерговыделению»⁹. Один из авторов сайта такой авторитетной организации, как Российский совет по международным делам, выразил и более радикальное мнение: «Мир, в котором развеются локальные ядерные грибы и потери окажутся сопоставимыми с войнами так называемой доядерной эпохи, станет другим. Мы с интересом увидим, что ЯО – это просто мощное оружие, имеющее свои схемы применения и военные задачи, а также что никаких „глобальных похолоданий“ и „расколов Земли“ не произошло. Мы, подобно повзрослевшим детям, узнаем, что у нас не было и нет оружия, способного „уничтожить цивилизацию“ или „покончить с человечеством“. В таком мире нельзя будет кричать, что „ядерное оружие удержит нас от войны“»¹⁰.

Эксперты, следующие другой школе (академик Арбатов называет их ядерными ревизионистами), вроде бы не доходят до прямой апологетики ядерной войны. Наоборот, они справедливо озабочены тем, что такая война может возникнуть случайно. Однако при этом они считают, что контроль над ядерным оружием в форме договоров и соглашений, поддающихся верификации, безнадежно устарел¹¹. Они приводят несколько аргументов.

Во-первых, утверждают они, эти договоры не учитывают научно-технических достижений последних десятилетий. Речь, в частности, идет о том, что неядерные средства (крылатые ракеты большой дальности, гиперзвуковые ракеты и пр.) ныне предоставляют возможность нанести обезоруживающий «контрсилевой» удар и тем самым «обесценить» ядерный потенциал противника. Отмечается также, что системы раннего предупреждения о ракетном нападении (СПРН) могут зафиксировать лишь пуск гиперзвуковых ракет, а затем из-за огромной скорости этого оружия «теряют» их. Что обрекает противную сторону на принятие немедлен-

⁷ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42117/page/2>

⁸ См.: Владимир Дворкин. Военная доктрина России нуждается в обновлении. Независимое военное обозрение. 11.04.2019.

⁹ Дмитрий Ахмеров, Евгений Ахмеров, Марат Валеев. Аэростат – друг «Сармата». Военно-промышленный курьер. 12 октября 2016.

¹⁰ Валерий Алексеев. Миф ядерного сдерживания. 15 марта 2019. РСМД.

¹¹ Наиболее полно и последовательно взгляды «ядерных ревизионистов» изложены в докладе Сергея Караганова и Дмитрия Суслова «Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности». НИУ «Высшая школа экономики». Москва, 2019. http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf

ного решения об ответно-встречном ударе. Немало сказано и написано о взаимном «переплетении» ядерных и обычных вооружений, что, по мнению «ядерных ревизионистов», делает бессмысленными даже попытки договориться об ограничении ядерного оружия. Кроме того, соглашения о контроле над ядерными вооружениями не учитывают потенциал оружия, размещенного в космосе, и противоспутниковых систем. Наконец, соглашения о контроле не учитывают и возможностей кибероружия.

На это сторонники традиционных форм контроля указывают: утверждения о том, что современное неядерное оружие девальвирует ядерные потенциалы, так как способно уничтожить первым ударом ядерные средства, не соответствует действительности¹². Весьма показательно, что военные специалисты из профильного института Министерства обороны России весьма скептически оценивают возможность внезапного разоружающего удара неядерными средствами¹³. При этом следует признать, что есть новые сферы развития военных технологий, которые не учитываются существующими договорами. Однако безусловно правы те исследователи, которые указывают: вся история создания системы контроля над ядерными вооружениями состоит в том, что в ходе переговоров шел напряженный поиск устраивающих всех правил учета новых технологий. В этой связи можно вспомнить и о сложнейших переговорах по контролю о количестве боеголовок в ракетах с разделяющимися головными частями, и об учете крылатых ракет воздушного базирования¹⁴. Сложность проблемы совершенно не означает ее неразрешимости.

Другая группа аргументов об устарелости контроля над вооружениями сводится к тому, что количество стран, обладающих ядерным оружием, растет. А основные договоры – двусторонние, они заключены между Москвой и Вашингтоном. Эти соглашения не учитывают, например, Китай с его растущей военной мощью. К тому же в основе любого договора об ограничении ядерного оружия лежит ядерное сдерживание. А это, по мнению критиков ядерного контроля, может бросить тень на дружественные отношения России и Китая. В этих рассуждениях есть, безусловно, доля истины. Действительно, растет военная мощь Китая и ряда других стран. Но их участие в соглашениях по контролю других членов ядерного клуба не носит принципиального значения ни сейчас, ни в обозримой перспективе. Ведь свыше 90 % ядерных вооружений, накопленных сегодня в мире, приходится на Россию и США. Поэтому режим контроля над ядерным оружием сохранит свою эффективность еще долгие годы, если, как и теперь, будет базироваться на российско-американских соглашениях.

Показательно, что «ядерные ревизионисты» весьма расплывчато описывают то, как будет обеспечиваться мировая безопасность в отсутствие международных договоров о контроле над вооружениями, в условиях, когда каждая из сторон не будет сдерживаться никакими ограничениями. Они предполагают заменить существующий, базирующийся на договорах, режим контроля над вооружениями некими «форумами», в рамках которых участники на добровольной основе будут знакомить друг друга с техническими характеристиками принимаемых на вооружение систем, а также со своими стратегическими концепциями. В рамках этих форумов будут поддерживаться линии связи между ядерными государствами и их военными командованиями, дабы устранить недопонимание в условиях кризиса. При этом совершенно непонятно, что должно стимулировать такую открытость. Ведь транспарентность стала как раз следствием традиционных форм контроля над вооружениями, необходимости верифицировать все те договоры, которые ныне обречены на уничтожение. В этих условиях тому, кто полагает, что потенциальный противник сильнее, выгодно максимально засекретить в целях сдерживания свои реальные возможности и систему действий в условиях конфликта.

¹² См.: Владимир Дворкин. Мировой договор. «Новая газета». 10 ноября 2019.

¹³ Ibid.

¹⁴ Alexey Arbatov. A New Era of Arms Control: Myths, Realities and Options. Carnegie Moscow Center. 24 октября 2019.

Так, в утвержденных Владимиром Путиным «Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» в качестве одного из принципов ядерного сдерживания указывается «неопределенность для потенциального противника масштаба, времени и места возможного применения сил и средств ядерного сдерживания»¹⁵.

Представляется, что главные причины нынешнего кризиса системы ядерного контроля лежат не в «материальной», а скорее, в психологической сфере. Авторы доклада «Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности» прямо указывают на эти причины: «Смена поколений и уход людей, являвшихся свидетелями и острых фаз „холодной войны“, и Второй мировой, гегемония Запада и отсутствие внешних контрбалансов в 1990-2000-е гг., военно-техническая революция 1980-1990-х гг. и появление концепции „бесконтактной войны“, и, главное, 75 лет относительного мира, уменьшили страх перед войной. Большинство считает, что войны не будет, потому что ее просто не может быть. Ослабло общественное сопротивление милитаризму, наращиванию вооружений. Возникло состояние, которое мы называем „стратегический паразитизм“»¹⁶. По понятным причинам авторы настаивают, что «стратегический паразитизм» характерен прежде всего для США и других западных демократий. Они упорно не желают видеть те формы, которые это явление приняло в России. То, что Владимир Путин регулярно напоминает свои западным «контр-партнерам», что именно Москва обладает сегодня невиданными вооружениями. Уступая потенциальному противнику по всем показателям мощи (численность населения, наличие союзников, эффективность экономики, размеры вооруженных сил и количество вооружений основных классов), Россия равна ему только в ядерном оружии. И ее лидер не перестает напоминать об этом. Именно из этой «стратегической фривольности», которая характерна для Москвы гораздо больше, чем для Вашингтона, и возникает опасность «военного конфликта между ядерными державами, в том числе непреднамеренного и неядерного, с дальнейшей, более вероятной, чем в прошлом, эскалацией на уровень глобальной ядерной войны»¹⁷.

Совершенно очевидно, что в условиях моральной и интеллектуальной деградации элит с исчезновением традиционных договоров о разоружении никакие «форумы» их не заменят. Мир неизбежно окажется в ситуации, похожей на ту, что была накануне Карибского кризиса. Если, как и 60 лет назад, человечеству повезет выжить в таком кризисе, оно неизбежно вернется к необходимости выработки общих одинаковых для всех правил, которые лишили бы любую из сторон надежд на то, чтобы добиться своих целей военным путем.

Мир обречен вернуться к поиску новых форм контроля над вооружениями. Необходимости поиска таких форм и посвящена эта книга. Как мне представляется, концептуально ошибочен отказ от переговоров по контролю над вооружениями в период напряженности в отношениях между странами. Один из аргументов, оправдывающих отказ Вашингтона от ведения переговоров с Москвой о контроле над ядерными вооружениями, заключается в общей напряженности и нагнетании недоверия. Да, сегодня никуда не уйти от того, что уровень взаимного доверия между Россией и США, другими странами Запада упал на уровень ниже ноля. Будем откровенны, нынешняя российская власть вряд ли менее «договоропригодна», чем советский режим, который на уровне доктрины считал допустимым и оправдывал все, что, по мнению ЦК КПСС, было во благо грядущей победы коммунизма. Включая, разумеется, и нарушение международных обязательств. Однако государствам Запада, пусть тяжело и мучительно, удавалось все же выработать и заключить работоспособные договоры с СССР. Доказать это

¹⁵ Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562>

¹⁶ С. Караганов, Д. Сулов. «Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности». НИУ «Высшая школа экономики». М., 2019. с. 26.

¹⁷ С. Караганов, Д. Сулов. «Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности». НИУ «Высшая школа экономики». М., 2019, с. 36.

можно, проанализировав опыт переговоров по контролю над вооружениями в эпоху холодной войны, в частности на переговорах ОСВ-1, ОСВ-2, РСМД, СНВ-1, СНВ-2 и других. О них и других соглашениях эпохи первой холодной войны написаны горы литературы. Я же старался сконцентрироваться не столько на результатах переговоров, но прежде всего на том, как постепенно шел поиск компромисса, а с ним и понимание логики противоположной стороны. Параллельный анализ мемуаров американских и советских дипломатов позволяет показать, как в ситуации отсутствия взаимного доверия между государствами такое доверие возникало на уровне экспертов и специалистов. В результате формировались каналы неформального общения, которые были исключительно важны именно в кризисных ситуациях.

«Московский» договор Первый блин

Этому соглашению суждено было стать первым из длинной череды договоров об ограничении и сокращении ядерных вооружений, составивших впоследствии весь корпус международных соглашений, который сегодня называют системой контроля над вооружениями. Этот первый договор фактически стал своего рода опытным полем. Работая над ним, СССР и Запад впервые получили опыт совместной работы в договорном процессе, начали понимать логику другой стороны, ее мотивы и стратегию. Пятилетние переговоры вместили в себя и фантастические прорывы, и позорные, объяснимые лишь политиканством, откаты. Стороны впервые пошли на создание специального переговорного института, в рамках которого были учреждены работавшие в течение ряда лет делегации.

Следует признать, что до середины 1950-х годов ни Советский Союз, ни страны Запада не задумывались всерьез о необходимости хотя бы ограничить гонку ядерных вооружений. Москва и Вашингтон были сконцентрированы всерьез исключительно на наращивании своих ядерных потенциалов. Инициативы же по контролю над атомным оружием носили откровенно пропагандистский характер и изначально не ставили своей целью добиться согласия другой стороны. Скорее, наоборот, целью этих инициатив было выставить оппонента в максимально неприглядном виде в глазах всего мира. По крайней мере, именно так они воспринимались другой стороной.

Впрочем, сразу после завершения Второй мировой войны, в декабре 1945 года, на совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве было принято решение предложить первой сессии Генассамблеи только что учрежденной Организации Объединенных Наций создать комиссию по атомной энергии. Увы, это решение полностью исчерпало потенциал единства союзников. Начиналась холодная война. Соединенным Штатам было принципиально важно сохранить свою ядерную монополию, а Советскому Союзу – догнать их. Это противоречие стало очевидно в ходе первого заседания комиссии, когда американский представитель Бернард Барух, изложил план по контролю над атомным производством¹⁸. Он предлагал передать весь контроль над атомным производством надгосударственному органу – международному Агентству по атомным разработкам (Atomic Development Authority). Это агентство должно было путем инспекций на местах контролировать атомное производство. Предполагался также обмен исследованиями между странами в рамках деятельности агентства. При этом Соединенные Штаты брали обязательство передать технологическую информацию по атомной энергетике. Более того, план предполагал и отказ от ядерного оружия. Конечно же, в перспективе. Центральным органом этого агентства должна была стать комиссия ООН по атомной энергетике. Однако предполагалось, что она не будет непосредственно подчинена Совету безопасности ООН и решения в ней будут приниматься большинством голосов.

Международный контрольный орган по «плану Баруха» наделялся правом применять санкции, в том числе военные, против любой страны, которая вопреки его воле решила бы создать собственные запасы атомного сырья. На территории суверенных государств этот орган мог бы направлять «охрану, состоящую из войск ООН», с целью «обороны» принадлежащих этим странам атомных предприятий. При этом решение вопросов, связанных с производством ядерного оружия (а США, не будем забывать, были на тот момент монопольными его обладателями), относили к последнему этапу реализации «плана Баруха». А вот контроль над атом-

---

¹⁸ The Baruch plan: [presented to the United Nations Atomic energy Commission, June 14, 1946] // Atomic Archive. URL: <http://www.atomicarchive.com/Docs/Deterrence/BaruchPlan.shtml>

ным производством и хранением расщепляющихся материалов должен был осуществляться на первом этапе. Понятно, что в СССР посчитали (и, заметим, небезосновательно), что подлинная цель плана заключалась в сохранении американской монополии на обладание ядерным оружием. Конечно же, Советский Союз не был готов разрешить иностранные инспекции на своих ядерных объектах. К тому же в Москве подозревали, что при принятии решений простым большинством СССР оказывался бы в меньшинстве. В противовес плану Баруха, советская дипломатия выдвинула в 1946 году проект конвенции, в которой предлагалось в принципе отказаться от использования атомной энергии в военных целях¹⁹. Участники должны были обязаться не применять ни при каких обстоятельствах атомное оружие, запретить его производство и хранение, и, более того, уничтожить в трехмесячный срок весь запас как готового, так и незаконченного атомного оружия. При этом конвенция не запрещала работы по созданию ядерного оружия. И это сразу же было отмечено американцами, которые тут же советский проект отвергли. В конечном итоге «план Баруха» был заблокирован советским вето в Совбезе ООН, сама комиссия по ядерной энергии вскоре прекратила существование. В период между 1947–1954 годами советские и западные дипломаты обменивались взаимными обвинениями в комиссиях ООН по разоружению.

Однако по мере создания все более мощных ядерных боеприпасов ситуация стала меняться. Мир реально увидел опасность не только атомной войны, но и самого совершенствования ядерного оружия. Поворотным моментом для мирового общественного сознания стало слишком «удачное» американское испытание под кодовым названием «Кастл Браво», проведенное 1 марта 1954 года на атолле Бикини. Мощность взрыва в два раза превысила расчетную и составила 15 мегатонн в тротиловом эквиваленте. Радиоактивные частицы распространились на территории 11 тысяч квадратных километров и накрыли обитаемые острова. Символом произошедшего стала судьба японского рыболовецкого судна «Фукурю-Мару». Находившееся в 170 километрах от Бикини, оно было осыпано радиоактивной пылью, слой которой достигал сантиметра. Каждый из членов экипажа получил дозу облучения в 300 рентген. Все они стали инвалидами, а радист судна Айкити Кубояма через полгода умер. В том же году на Японию выпали радиоактивные осадки из-за советских атомных испытаний²⁰.

Буквально через несколько недель после взрыва на Бикини индийский премьер-министр Джавахарлал Неру призвал к прекращению ядерных испытаний. В том же 1954 году британские лейбористы выступили за такой запрет. Антиядерное движение разворачивалось очень быстро. В нем участвовали Альберт Швейцер и Альберт Эйнштейн. Поддержку их идеям высказывал папа римский Пий XII. Советские ученые отмечали растущий уровень радиации в Москве, Ленинграде и Одессе и даже рисковали обращаться навстречу с выражением обеспокоенности. Эти обращения, впрочем, оставались без внимания. Очевидно, что куда более существенную роль в эволюции взглядов Никиты Хрущева сыграло стремление представить на международной арене новый образ СССР – миролюбивого и ответственного государства.

И вот 10 мая 1955 года СССР выступил с очередным планом всеобщего разоружения, в котором впервые было предложено ввести запрет на ядерные испытания. Западные государства привычно отвергли эти предложения, потребовав всеобъемлющих мер по ограничению производства расщепляющихся материалов и гарантий защиты от внезапного ядерного удара. Кроме того, Вашингтон настаивал, что не существует мер контроля, которые могли бы гарантировать выполнение соглашения.

Но Хрущев продолжал настаивать. Через два года, в июне 1957 года, последовало новое предложение СССР – прекратить испытания на 2–3 года. При этом за соблюдением мора-

¹⁹ История дипломатии / А. С. Аникин [и др.]; под ред. А. А. Громыко [и др.]. М.: Издательство политической науки. 1974. Т. 5. Кн. 1. С. 653.

²⁰ Burns, Richard Dean; Siracusa, Joseph M. (2013). A Global History of the Nuclear Arms Race: Weapons, Strategy, and Politics – Volume 1. Santa Barbara, CA: p.247.

тория должна была наблюдать международная комиссия, которая опиралась бы на национальные станции контроля, без инспекций на местах. Американский президент Эйзенхауэр поначалу был готов поддержать эту инициативу. Однако группа выдающихся американских ученых-ядерщиков, включавшая Эдварда Теллера и Эрнста Лоуренса, убедила его, что для создания «чистой» бомбы, взрыв которой не будет приводить к выбросу радиоактивных частиц, необходимо продолжение испытаний. Кроме того, они настаивали, что у СССР будет возможность проводить «секретные» испытания. Забегая вперед, заметим, что на протяжении всех лет пока шли переговоры, американские ученые-ядерщики неоднократно замедляли их ход, всякий раз приводя доказательства трудности проверки соблюдения запрета. В августе 1957 года США одобрили идею о двухлетнем моратории, но связали это с необходимостью ограничений на использование расщепляющихся материалов в военных целях – требованием, которое СССР решительно отвергал.

К тому же в сентябре США провели первое подземное ядерное испытание, что еще больше осложнило ситуацию, так как, по общему мнению, подземные испытания труднее поддавались контролю. Тем не менее в конце 1957 года СССР вновь во второй уже раз предложил ввести мораторий. Но Вашингтон вновь его отверг.

Однако Хрущев упорно продолжал выдвигать свою инициативу. 31 марта 1957 года почти сразу после того, как он стал председателем Совета министров, Верховный Совет объявил о введении одностороннего моратория. И на этот раз Эйзенхауэр отверг его, объявив все «трюком коммунистов». Вот как описывает этот драматический момент сын Хрущева, Сергей: «Его первым шагом в новом качестве стал призыв ко всем ядерным державам прекратить испытания. Не дожидаясь ответа, отец провозгласил с первого января наступившего года односторонний мораторий. Его решение гроыхнуло, как гром при ясном небе. Ни конструкторы, ни даже Устинов со Славским (руководитель советской атомной промышленности. – А.Г.) не привлекались к его подготовке. Они узнали о нем в последний момент, чуть ли не из газет. Нечего и говорить, что военные отнеслись к идее моратория более чем прохладно... Момент он выбрал не случайно. Именно с 1958 года появлялась возможность заморозить арсеналы СССР и США в состоянии если не равенства, то наименьшего неравенства. Мы едва завершили серию своих испытаний, американцы, имевшие фору в пять лет, только изготовились к новым взрывам... У отца начался тяжелый и длительный период борьбы на два фронта. С американцами, которых он безуспешно пытался убедить в губительности продолжения испытаний. И со своими, как военными, так и штатскими оппонентами, утверждавшими, что односторонний мораторий в случае вооруженного столкновения может послужить причиной поражения. Пока американцы подкрепляли аргументы наших противников моратория непрекращающимися ядерными взрывами. На стол отца ложились докладные о завершении новых и новых разработок. Заряды становились мощнее и одновременно легче, меньше и дешевле. Задержка оставалась за малым, их требовалось испытать. Отец нервничал. На Запад уходили новые призывы, сопровождавшиеся угрозами прервать мораторий»²¹.

Хоть Вашингтон и не собирался прерывать только начатую серию ядерных взрывов, 8 апреля 1958 года Эйзенхауэр, оказавшись под нешуточным общественным давлением, предложил созвать в Женеве конференцию экспертов, которые попытались бы прийти к единому мнению относительно технических деталей запрещения ядерных испытаний. И главное, относительно возможности контроля такого запрещения. Сказать, что конференция готовилась в условиях взаимного недоверия, – значит ничего не сказать. Госчиновники опасались, что ученые могут дать слабину. Вот как напутствовал председатель Комиссии по атомной энергии США Льюис Штраусс знаменитого физика нобелевского лауреата Эрнста Лоуренса: «Не важно, насколько знамениты или убедительны русские ученые; никогда не забывайте, что они –

²¹ Сергей Хрущев. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М.: Вече, 2019, с. 213.

эмиссары лиц, являющихся безжалостными убийцами. Общайтесь с ними с осторожностью»²². «Ничего хорошего от Женевы ждать не приходится», – заявил тот же Штраусс журналисту Клэру Буту Люсу²³.

Однако вопреки страху, который на них нагоняли политики и функционеры, ученые стремились к позитивному исходу переговоров. Так, Лоуренс заранее заготовил обращение к советскому физику Николаю Семенову (смысл был в том, что он обращался как нобелевский лауреат к нобелевскому лауреату) с призывом не покидать конференцию, если переговоры сперва окажутся безрезультатными. Однако обращение не потребовалось, русские не собирались уходить. Более того, на конференции возникали неформальные контакты между теми, кто знал друг о друге исключительно по разведывательным донесениям.

«Меня зовут Игорь Тамм. Я...» – представлялся советский участник. «Да, конечно я прекрасно знаю Вас. Вы – блестящий физик, лауреат Нобелевской премии, академик, альпинист, и чрезвычайно остроумный собеседник. О вас же легенды ходят. А меня зовут Ханс Бетте. Я...» «Ни слова больше. Вы – выдающийся атомный физик, член президентского совета по науке, участник создания атомной бомбы». Такие диалоги были, как утверждают очевидцы, весьма характерны для конференции²⁴.

Надо сказать, что мне довелось стать свидетелем чего-то подобного в 1990 году, когда большая делегация комитета по обороне Верховного Совета СССР отправилась с первым визитом в США. Наши выдающиеся конструкторы-оружейники получили уникальную возможность для общения с американскими коллегами. И буквально на глазах рождалось доверие, основанное на взаимном профессиональном уважении.

Главный вопрос, на который должны были ответить эксперты, состоял в том, могут ли сенсоры отличить подземное ядерное испытание от землетрясения. Предлагалось обсудить, могут ли использоваться мониторы, фиксирующие акустические, сейсмические и радиоволны, а также устройства, отмечающие радиоактивные выбросы. Конференция экспертов поставила рекорды по скорости проведения (всего два месяца) и по своей эффективности. Ученые разработали схему контроля, впоследствии названную Женевской системой. Она предполагала создание 160–170 наземных станций контроля и 10 станций, размещенных в море. Предлагалось также проводить облеты территории при возникновении подозрений. Ученым удалось прийти к консенсусу в вопросах, казавшихся сперва неразрешимыми (первоначально США требовали 650 пунктов слежения, а СССР настаивал на 100–110). При этом ученые не стали высказываться относительно того, как будет организован контроль (кто будет работать на станциях слежения, как будет осуществляться руководство, в каких случаях возможны инспекции на местах). Тем не менее это был серьезный успех. Впервые выяснилось, что Москва и Вашингтон могут договариваться по вопросам контроля над ядерными вооружениями. «Соглашение, достигнутое умными людьми с обеих сторон, дает надежду на то, что будет сделан и следующий шаг»²⁵, – заявил Эйзенхауэр, комментируя завершение конференции.

А 31 октября 1958 года в дело вступили дипломаты – началась конференция по прекращению ядерных испытаний. Одновременно США, Великобритания и СССР согласились-таки на введение моратория на все ядерные взрывы. Он продолжался почти три года. Впрочем, дипломатам не передалось стремление ученых-ядерщиков к достижению соглашения. Конференция довольно быстро увязла в бесконечных выяснениях вопросов верификации. К марту

²² Brotherhood of the Bomb: The Tangled Lives and Loyalties of Robert Oppenheimer, Ernest Lawrence, and Edward Teller. Gregg Herken Henry Holt, New York, 2002. P. 323.

²³ Ibid. p. 323.

²⁴ Matthew Evangelista, Unarmed Forces: The Transnational Movement to End the Cold War. Ithaca: Cornell University Press, 1999. p. 61.

²⁵ Robert Gilpin. American Scientists and Nuclear Weapons Policy. Princeton, N.J. 1962. p. 195.

1959 года переговорщикам удалось согласовать аж семь статей, которые в силу очевидности не вызывали больших споров. СССР настойчиво проталкивал неприемлемую для США и Великобритании идею о том, что наблюдение за исполнением договора должно обеспечиваться станциями наблюдения, чей штат должен состоять в основном из граждан тех стран, на территории которых эти станции находятся. При этом роль чиновников некоего надгосударственного органа, который возглавлял бы систему контроля, была бы минимальной. Западные же государства, напротив, настаивали на том, чтобы одна половина команды станций наблюдения состояла из граждан других ядерных государств, а другая – из представителей нейтральных стран. Кроме того, СССР требовал, чтобы все решения Контрольной комиссии принимались единогласно, что было неприемлемо для США и Великобритании, так как фактически означало бы наделение советской стороны правом вето.

Потом переговоры забуксовали, когда, опираясь на данные, полученные в ходе последних перед мораторием ядерных испытаний, американцы стали утверждать, что система контроля, созданная по «Женевской системе» сможет фиксировать только взрывы мощностью свыше 20 килотонн и потребовали еще больше увеличить число станций контроля на территории СССР. Советские представители заявили, что новые данные сфальсифицированы.

И вот в апреле 1959 года, осознав, что переговоры находятся в тупике, американский президент впервые предложил заключить договор не о всеобъемлющем запрете, а отказаться лишь от испытаний в атмосфере, продолжив переговоры о запрещении взрывов под землей и в открытом космосе. Это предложение было отвергнуто советскими представителями. В конце концов, советские представители в частных переговорах дали понять, что готовы согласиться на три инспекции в год. Торг продолжался весь 1959 год, однако идея о частичном запрете испытаний все больше привлекала переговорщиков. В феврале 1960 года США предложили запретить только те испытания, которые безусловно фиксируются «Женевской системой», включая и подземные испытания магнитудой свыше 4,75 балла по шкале Рихтера. Кроме того, американцы предложили, чтобы было разрешено около 20 инспекций на местах каждой страной. Причем цифра эта выводилась из обычного числа землетрясений на территориях государств-участниц. Неожиданно советский представитель Семен Царапкин отреагировал позитивно. В своих предложениях от 19 марта СССР в целом соглашался с американскими инициативами. Он лишь предлагал прекратить на четыре-пять лет все испытания магнитудой ниже 4,75 балла, а также запретить все ядерные взрывы в космосе. Все шло к тому, что на саммите в Париже, намеченном на май 1960 года, удастся устранить остававшиеся разногласия и подписать соглашение.

Однако история распорядилась иначе. 1 мая 1960 года над СССР был сбит самолет-шпион U-2. Сам факт разведывательного полета в канун встречи в верхах был воспринят Хрущевым как прямое оскорбление. Прибыв все-таки во французскую столицу, он потребовал от Эйзенхауэра извинений, которых вполне ожидаемо не получил. Советская делегация покинула Париж. Работа над договором была прервана почти на год. Британский премьер Гарольд Макмиллан, который все время работы над договором принимал в ней живейшее участие, пытаясь сблизить позиции сторон, впоследствии заявил, что причиной неудач в работе над договором были американские требования бессмысленно большого количества инспекций на месте²⁶.

Практически сразу после того, как Джон Кеннеди стал президентом, он потребовал пересмотреть американскую стратегию на переговорах по запрещению ядерных испытаний. Любопытно, что свое стремление достичь соглашения в этом вопросе он обосновывал не только пропагандистскими соображениями, но указывал на опасность распространения ядерного ору-

²⁶ Schlesinger, Arthur Meier Jr. (2002). *A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House*. New York, NY: Houghton Mifflin. P. 452.

жия: «Китай, или Франция, или Швеция или полдюжины других стран проведут успешные испытания атомной бомбы, безопасность как русских, так и американцев опасно ослабеет»²⁷, заявлял он в ходе избирательной кампании.

Впрочем, новые американские предложения, внесенные в марте 1961 года, в основном базировались на подходах предыдущей администрации. Вновь предлагалось запретить все ядерные испытания, кроме подземных взрывов магнитудой ниже 4,75 балла по шкале Рихтера (причем и на эти взрывы предлагалось ввести мораторий). При этом стороны решительно расходились по вопросам верификации. США настаивали на 20 инспекциях в год, СССР хотел ограничиться тремя. Причем советский представитель настаивал, чтобы решения об инспекциях на основе консенсуса принимала «тройка»: представители Советского Союза, Запада и неприсоединившихся государств. В ходе переговоров с Кеннеди в Вене Хрущев твердо стоял на том, что три инспекции в год – это максимум, что может разрешить Советский Союз.

Лидеры СССР и США покинули Вену, глубоко разочарованными друг другом. В глазах Хрущева американский президент не желал поддерживать его стремление к миру. Кеннеди предрек «холодную зиму» в отношениях. В обеих странах немедленно оживились те, кто желал отказа от моратория. На американского президента давил Пентагон и разработчики ядерного оружия. То же происходило и в Москве. «Отца мучило топтание на месте в переговорах о разоружении и запрещении ядерных испытаний. Пришло время определяться. Без опробования боеголовок межконтинентальные ракеты – янгелевские Р-6, королевская „девятка“, чолемеевская „двухсотка“ – теряли значительную часть своих возможностей... Министерство обороны, конструкторы ракет, самолетов и других видов вооружений продолжали одолевать отца просьбами о возобновлении взрывов. Отцу не хотелось терять накопленный за два с половиной года моратория моральный и политический багаж, но теперь и он склонялся к тому, что другого выхода просто не существует»²⁸, – вспоминает Сергей Хрущев. Тем временем разразился берлинский кризис. Восточная часть города была отделена от западной стеной, ставшей на десятилетия символом холодной войны. Нараставшая конфронтация предопределила решение Кремля о возобновлении ядерных испытаний. Внесенное в последний момент американо-британское предложение о договоре, запрещающем испытания в атмосфере без всякого механизма инспекций, уже не могло остановить негативное развитие событий. 30 августа 1961 года Москва объявила о прекращении моратория и начале ядерных испытаний, объяснив это ухудшившейся международной обстановкой и особенно тем, что ядерные испытания проводила Франция (в СССР к тому же опасались, что американцы по договоренности с Парижем могут проводить ядерные взрывы, объявив их «французскими»). К 5 сентября было проведено уже два испытания. А 30 октября на Новой Земле в порядке устрашения Запада была взорвана бомба мощностью свыше 50 мегатонн. Справедливости ради следует отметить, что США начали свою серию испытаний уже 15 сентября, из чего следует, что они готовились к возобновлению взрывов.

К марту 1962 года переговоры о запрещении ядерных испытаний поменяли формат: они стали вестись в рамках Конференции ООН по разоружению. Вместо трех ядерных стран в них стали участвовать 18 государств, что, заметим, не слишком приблизило заключение соглашения. В августе 1962 года США и Великобритания внесли проекты двух возможных договоров. Один предполагал всеобщее запрещение испытаний, но с верификацией, включавшей инспекции на месте. Другой предполагал запрет всех ядерных испытаний за исключением подземных взрывов. При этом международные инспекции не предусматривались. Надо сказать, что Хру-

²⁷ Burns, Richard Dean; Siracusa, Joseph M. (2013). A Global History of the Nuclear Arms Race: Weapons, Strategy, and Politics – Volume 1 (<https://books.google.com/books?id=EX2jAQAQBAJ>). Santa Barbara, pp.306–307, Jacobson, Harold Karan; Stein, Eric (1966). «Diplomats, Scientists, and Politicians: The United States and the Nuclear Test Ban Negotiations». The University of Michigan.

²⁸ Сергей Хрущев. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М.: Вече. 2019. с.370–376.

щеву до поры до времени не нравилась идея частичного запрета. Он считал подземные испытания слишком дорогостоящими. Но советским атомщикам – Курчатову, Сахарову, Харитону – удалось убедить Кремль, что даже частичный запрет затормозил бы гонку ядерных вооружений и, возможно, предотвратил бы появление ядерного оружия у стран, которые ранее таким оружием не располагали²⁹.

А в октябре 1962 года разразился Карибский кризис, реально поставивший Советский Союз и Соединенные Штаты на грань ядерной войны. Стороны знали возможности друг друга. На переговорах в Вене Кеннеди привел данные, согласно которым за счет превосходства в количестве ядерных боезарядов (теперь известно, что это превосходство было десятикратным – 24173 против 2471) США могли многократно уничтожить СССР³⁰. Но и советского ядерного потенциала оказалось достаточно для нанесения неприемлемого ущерба. Карибский кризис, его мучительное преодоление решительно отрезвили Кремль и Белый дом, еще недавно упивавшиеся обладанием невиданной мощью. Руководители двух стран заглянули в бездну (не будем забывать, что и Кеннеди, и Хрущев прошли войну).

После урегулирования срочно потребовались какие-то примирительные шаги. И вопросом, где можно было бы продемонстрировать готовность к сотрудничеству, стал договор о запрещении ядерных испытаний. Анализируя историю работы над этим соглашением, нетрудно увидеть, сколь негативно сказывались на ходе переговоров периодические кризисы в советско-американских отношениях – регулярное обострение противостояния вокруг Берлина, события в Конго, перехват самолета-шпиона U2, наконец, схватка вокруг Кубы. Не будем забывать, это были годы самых ожесточенных баталлий Холодной войны, когда еще не было никаких рамок для ограничения противоборства. Но верно и другое. О бесконечных и, как порой казалось, совершенно бесперспективных переговорах о запрещении ядерных испытаний вспоминали всякий раз, когда возникала необходимость продемонстрировать добрую волю и готовность к компромиссу. Именно это и произошло в этом случае.

«Сразу после кубинского кризиса Хрущев первый раз в послевоенной истории сообщил президенту Кеннеди по конфиденциальному каналу о согласии Советского правительства на 2–3 инспекции в год на территории каждой из ядерных стран в порядке контроля за ядерными испытаниями. После благополучного разрешения опасного кризиса вокруг Кубы Хрущев был настроен примирительно и вообще в пользу других договоренностей с США, из которых наиболее близкой представлялась тогда договоренность о прекращении ядерных испытаний»³¹, – вспоминал тогдашний советский посол в США Анатолий Добрынин.

Впрочем, контакты, едва начавшись, чуть ли сразу не прекратились. Из Вашингтона последовали контрпредложения о десяти инспекциях в год. Хрущев был в бешенстве. Встречаясь с американским и британским послами, он заявил: «Так что же вы от нас хотите, чтобы мы, ничего не приобретая, открыли целые районы нашей страны для иностранной разведки? Ведь даже когда Советское правительство согласилось на 2–3 инспекции, западные державы захотели развернуть такую инспекцию, чтобы охватить чуть ли не полстраны. Но на это мы не пойдем. Я начинаю ругать себя за согласие на проведение 2–3 инспекций на территории СССР. Теперь я вижу, что надо отказаться от этого предложения. Для обеспечения должного контроля достаточно установить 2–3 автоматические сейсмические станции. А теперь я же оказался в дураках, потому что как только мы выдвинули свое предложение, нам сразу же ответили тре-

---

²⁹ Виктор Адамский. К истории Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Природа, № 1, 1996.

³⁰ Данные приведены Сергеем Хрущевым в книге: Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М.: Время. 2010. с.373.

³¹ Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.) М.: Автор, 1996. С. 86.

бованием о проведении 8-10, а теперь 7 инспекций в год, на что СССР пойти не может. Всякие дальнейшие уступки будут уже уступками не Кеннеди, а Голдуотеру и прочим „бешеным“»³².

Еще откровеннее Никита Сергеевич был с Норманом Казинсом, видным американским антиядерным активистом, который прибыл на встречу с советским лидером с ведома Кеннеди, чтобы выяснить, можно ли исправить ситуацию. «По политическим соображениям, чтобы угодить президенту, я считаю, что мы должны согласиться с инспекциями. Нам нужно соглашение. Это то, чего хочет президент, и я понимаю, что он не может провести это через Сенат без проверки на месте... Я использовал весь свой политический вес, чтобы убедить Совет министров, я заставил их согласиться. И тут же узнаю, что все изменилось... Я старался угодить президенту, выполнил свою роль и в ответ получил пощечину»³³, – пересказывал позже Казинс слова Хрущева президенту Кеннеди.

Надо сказать, что ни тогда, ни позже западные переговорщики не понимали, какую ломку стереотипов должны были пережить советские руководители, которые десятилетиями жили в обстановке шпиономании, чтобы в принципе разрешить присутствие иностранных инспекторов на своей территории. Аверелл Гарриман вспоминал разговор с Хрущевым, состоявшийся летом 1963 года, уже на самой заключительной стадии работы над соглашением. «Вся беда в том, – рассуждал Хрущев, – что вы хотите шпионить. В этом ваша главная цель». Гарриман как мог возражал. «Вы хотите сказать, – продолжал Хрущев, – что, если в комнате есть сыр и туда заскочит мышь, она не схватит сыр? Вы не сможете заставить мышь не брать сыр»³⁴.

К сожалению, Кеннеди и его советники видели в предложениях Москвы лишь исходную позицию для дальнейшего торга. В то время как Хрущев рассматривал решение о трех инспекциях как гигантскую уступку Западу. А попытку продолжить торговлю посчитал личным оскорблением. «Протяни им палец, они всю руку отхватят»³⁵, в сердцах он сказал сыну.

В Белом доме, надо признать, довольно быстро осознали, что разница в подходах может дорого обойтись. Срочно требовался примирительный шаг. И он был сделан. 10 июня 1963 года прозвучала историческая речь Джона Кеннеди в Американском университете в Вашингтоне, в которой он призывал американцев отказаться от того, чтобы «видеть лишь искаженный образ другой стороны, считать конфликты неизбежными, договоренности – невозможными, а переговоры – всего лишь обменом угрозами»³⁶.

Показательно, что в качестве примера того, что враждебные друг другу государства могут все-таки договориться, Кеннеди привел именно будущий договор о запрещении ядерных испытаний: «Одной из важнейших сфер этих переговоров, где виден уже конец пути и где тем не менее крайне необходимо пройти весь путь с самого начала, является заключение договора об объявлении вне закона испытаний ядерного оружия. Такой договор, столь близкий и вместе с тем столь далекий, остановит растущую по спирали гонку вооружений в одной из наиболее опасных областей. Он позволит ядерным державам более эффективно противостоять одной из величайших опасностей, грозящих человеку в 1963 году, – дальнейшему распространению ядерного оружия. Он увеличит нашу безопасность и сократит опасность возникновения войны. Несомненно, эта цель достаточно важна, чтобы потребовать наших целеустремленных усилий, чтобы мы не поддавались соблазну отказаться от этой попытки и соблазну отказаться от нашей настойчивости в достижении жизненно важных и ответственных гарантий»³⁷.

³² Там же. С. 88.

³³ Pietrobon, Allen. «The Role of Norman Cousins and Track II Diplomacy in the Breakthrough to the 1963 Limited Test Ban Treaty.» *Journal of Cold War Studies*, vol. 18 no. 1, 2016, p. 60–79.

³⁴ Цит. по: Seaborg, Glenn T. Kennedy, Khrushchev, and the Test Ban. 1981 University of California. P. 241.

³⁵ Сергей Хрущев. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М.: Вече. 2019. С. 565.

³⁶ Kennedy, John F. (10 June 1963). American University's Spring Commencement 1963 (<https://web.archive.org/web/20160816063307/http://www1.american.edu/media/speeches/Kennedy.htm>).

³⁷ Ibid.

При этом он сообщил, что США отказываются от таких испытаний в случае, если СССР не будет их проводить. Кроме того, он сообщил, что в ближайшее время в Москве будут возобновлены переговоры по договору. Хрущев назвал эту речь лучшей из всех, что произнес какой-либо из американских президентов после Рузвельта. Дабы продемонстрировать свое одобрение, он распорядился полностью опубликовать текст выступления Кеннеди в советской печати. Правда, советский лидер продолжал стоять на своем – никаких инспекций вовсе. При этом он согласился на то, чтобы договор ограничился запретом на испытания ядерного оружия в трех средах: в атмосфере, под водой и открытом космосе.

Уже 15 июля в Москву прибыли американская и британская делегации. Главным представителем США был Аверелл Гарриман, который пользовался в Москве большим уважением. Открывая переговоры, Хрущев, правда, попытался увязать заключение договора с необходимостью подписать между Варшавским договором и НАТО некий пакт об отказе от агрессии. На что Гарриман тактично ответил, что США готовы добросовестно рассмотреть предложение, однако разработка и заключение такого акта потребует длительного времени. А Договор о запрещении испытаний практически готов. Хрущев был вынужден смириться.

Однако сложности возникли и на заключительном этапе переговоров. Даже в ситуации, когда все участники хотели заключить договор и цель казалась легко достижимой, они не доверяли друг другу, пытались перекрыть любые лазейки, которыми, как им казалось, могла воспользоваться другая сторона. Так, немало усилий было потрачено на то, чтобы исключить ситуацию, когда заявленное в преамбуле стремление к ядерному разоружению могло бы трактоваться как запрещение использования ядерного оружия для самообороны. Предметом споров был и вопрос о том, каким образом могли бы присоединиться к договору государства, которых не признавал Запад (Китай и ГДР). В конце концов договорились, о том что документы на сей счет можно будет передать любому из трех правительств-депозитариев. СССР требовал также гарантий присоединения к договору Франции (позже это требование было снято).

Наконец, самые горячие дискуссии вызвало положение о возможности выхода из договора. СССР первоначально желал зафиксировать полную свободу рук – право выхода с предупреждением других участников за три месяца. США же требовали, чтобы выход из договора был связан исключительно с проведением другой стороной запрещенных ядерных испытаний. Споры были столь жесткими, что в какой-то момент Гарриман пригрозил уходом с переговоров. В конце концов была принята такая формулировка: «Каждый Участник настоящего Договора в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны»³⁸. В Вашингтоне внимательно следили за всеми нюансами обсуждений. Поэтому после очередного дня дискуссий Гарриман связывался с Кеннеди, чтобы получить очередные инструкции. И это, конечно, затягивало процесс. Однажды американский представитель немало озадачил советских хозяев, когда попросил соединить его с Белым домом непосредственно из мидовского особняка на Спиридоньевке.

И вот, наконец, 5 августа 1963 года Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой был подписан главами дипломатических ведомств СССР, США и Великобритании. Фактически это было первое полноценное соглашение по контролю над ядерными вооружениями, когда во имя общей безопасности стороны добровольно отказывались от возможностей, которыми уже обладали. Работа над договором дала сторонам бесценный опыт относительно того, как их следует вести. Методом проб и ошибок они выясняли пределы, до которых каждая из сторон была готова идти на компромисс. Они

³⁸ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. https://www.mid.ru/adernoe-nerasprostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/609152

выясняли, что всевозможные «увязки» продвижения на переговорах с вопросами, которые не имеют к ним прямого и непосредственного отношения, сколь бы важными они ни казались в данный конкретный момент, чаще всего деструктивны. Более того, они могут уничтожить всю проделанную ранее работу. Постепенно приходило понимание, что жесткая заикленность на каком-то одном требовании может обернуться стратегической неудачей. Так спустя годы американские участники с сожалением констатировали: их императивное требование о большом количестве инспекций на месте (вовсе не столь уж необходимых) обернулось тем, что не был заключен всеобъемлющий договор. Наконец, все, кто был вовлечен в переговоры, начинали осознавать ценность непосредственного личного общения и переговорщиков-профессионалов и лидеров стран, то, как надо дорожить «химией» этих отношений.

Договор ОСВ-1 Встреча на равных

После заключения Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах Москва и Вашингтон взяли паузу в переговорах о контроле над вооружениями и попытались решить проблемы безопасности на пути гонки вооружений. На самом деле, говорить было не о чем из-за разницы в ядерной мощи. В момент Карибского кризиса США обладали гигантским превосходством над Советским Союзом. Их ядерный потенциал, по разным оценкам, был больше советского в 17–20 раз. Дабы закрепить это преимущество, Вашингтон реализовал широко-масштабную программу наращивания ядерных вооружений. В результате были поставлены на боевое дежурство 1000 межконтинентальных ракет «Минитмен» и введена в строй 41 подводная лодка с 656 баллистическими ракетами.

Казалось, что американское превосходство будет вечным. Однако советское руководство совершенно не желало повторения того унижения, которое оно было вынуждено снести во время кубинского противостояния. Началось интенсивное производство ракетно-ядерных вооружений. Чего в СССР даже не очень скрывали. «В пропагандистском плане я даже рекламировал на весь мир советское достижение, что мы... делаем ракеты чуть ли не автоматами, как сосиски. Это лишь приблизительно так, потому что мы сумели организовать все же не конвейер, а поточную сборку...»³⁹, вспоминал позже Никита Хрущев.

Пропаганда пропагандой, но СССР действительно совершил стремительный ядерный рывок. Разумеется, он не остался без внимания американцев. Вот какие данные приводит Генри Киссинджер в своей книге «Годы в Белом доме»: СССР располагал 250 развернутыми МБР в середине 1966 года, 570 ракетами – в 1967-м, 900 – в 1968, и в 1969 году обошел США с 1060 ракетами. К концу 1970 года СССР предположительно имел бы около 1300 ракет (впоследствии выяснилось, замечает Киссинджер, что у СССР их оказалось 1440). Согласно подсчетам американской разведки, количество ракет на подводных лодках (БРПЛ) должно было увеличиться с 45 в сентябре 1968 года до 900 в 1975-м⁴⁰. И главное, никто в Вашингтоне не знал, собираются ли русские останавливаться.

Одновременно выявилось еще одно направление гонки вооружений – противоракетная оборона. В обеих странах напряженно работали над ее созданием. Уже в 1961 году СССР первым в мире осуществил перехват и уничтожение в полете головной части баллистической ракеты, летевшей со скоростью 3000 м/сек. Она была поражена осколочно-фугасной боевой частью противоракеты В-1000 на высоте 25 километров. В 1962 году началось строительство системы ПРО Москвы, но в силу разных причин на боевое дежурство она была поставлена только в 1971 году. Американцы всерьез приступили к созданию системы ПРО лишь в 1967 году. Первые испытания противоракеты прошли только в 1971-м. Не имея достоверной информации, каждая из сторон подозревала, что потенциальный противник ее обогнал. В СССР, в частности, опасались, что американские противоракеты обнулят все советские попытки догнать США по наступательным вооружениям. В этих условиях гонка вооружений становилась бесконечной и неконтролируемой. Ситуацию очень точно описывает Киссинджер: «Сверхдержавы часто ведут себя как два слепых тяжеловооруженных бойца, осторожно нащупывающих свой путь и считающих себя в смертельной опасности со стороны зрячего, как они полагают, противника»⁴¹.

---

³⁹ Хрущев Н. С. Воспоминания. – М.: Вагриус, 1997, С. 460.

⁴⁰ Henry Kissinger. The White House years. London: Weidenfeld and Nicolson, 1979. p. 537.

⁴¹ Ibid. p. 522.

Первым разглядел опасность министр обороны США Роберт Макнамара. Автор теории сдерживания стал последовательно призывать согласиться и принять то, что впоследствии назовут «необходимой достаточностью». 18 сентября 1967 года, выступая в Сан-Франциско перед журналистами ЮПИ⁴², Макнамара предельно честно описал изменившийся баланс сил: «Очевидным и неизбежным фактом является то, что Советский Союз с его наличными силами может эффективно уничтожить Соединенные Штаты, даже приняв всю тяжесть американского первого удара»⁴³. Он ясно обозначил источник гонки вооружений: «Каковы бы ни были их намерения, каковы бы ни были наши намерения, действие... одной стороны, относящееся к наращиванию ядерных сил, будь они наступательные или оборонительные, неизбежно вызывает противодействие другой стороны. Именно этот феномен действие-противодействие, питает гонку вооружений»⁴⁴. Министр предложил выход из замкнутого круга: «Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом, в основном потому, что феномен действие-противодействие делает ее глупой и бессмысленной. Обе наши страны выиграли бы от... соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы»⁴⁵.

Очень показательно, что еще в апреле 1966 года, за полтора года до своего публичного выступления, Макнамара в частной беседе пытался объяснить все это советскому послу Анатолию Добрынину. «США думают о том, нельзя ли, несмотря на все трудности, совместно исследовать все же возможности установления соответствующего взаимопонимания в области ракетно-ядерных средств, как оборонительных, так и наступательных, на основе все той же доктрины, преследуя при этом одновременно еще две цели: уменьшение риска для национальной безопасности каждой из наших двух стран при минимально необходимых для этого затратах»⁴⁶, – заявил министр обороны, предложив направить высокопоставленного американского представителя в Москву для обмена мнениями. Добрынин посчитал этот разговор чрезвычайно важным и отправил подробное его изложение в МИД. Увы, тогда, как следует из мемуаров Добрынина, для советских лидеров рассуждения Макнамары выглядели заумью, которая должна была скрыть попытку догнать СССР в области ПРО. Предложение Макнамары было оставлено без внимания.

Взгляды советского руководства на ядерные вооружения были в то время довольно прямолинейны. «Такие понятия, как „стратегическая стабильность“, „ядерное сдерживание“ и тому подобное, были в то время все еще чужды советскому руководству», – констатируют Николай Дитин и Александр Савельев в книге «Большая пятерка: Советская система принятия решений в области контроля над вооружениями». – «Развитие стратегических сил СССР в значительной мере совпадало с развитием стратегических сил США и шло по принципу, „если у американцев есть нечто, то и мы тоже должны это иметь“. В некоторых областях – баллистические ракеты, системы противоракетной обороны и в некоторых других – Советский Союз опережал Соединенные Штаты. В целом, однако, СССР шел за Америкой по пятам в технологической гонке вооружений. Советское гражданское и военное руководство не интересовалось чужими концепциями и понятиями, размышлениями о стабильности и прочих абстрактных предметах... Руководство настаивало на том, что Советский Союз должен как минимум иметь количественное равенство с Соединенными Штатами, по крайней мере в том, что касается ядерных, и в особенности стратегических, систем. Если при этом учитывать, что американские союзники и США имеют преимущество в системах, способных достигнуть советской террито-

⁴² ЮПИ – «Юнайтед Пресс Интернэшнл» («United Press International»), крупнейшее информационное агентство США.

⁴³ McNamara R. The Essence of Security: Reflections in Office. New York: Harper and Row, 1968. p. 57.

⁴⁴ Ibid. p. 58–59.

⁴⁵ Ibid. p. 61–62.

⁴⁶ Анатолий Добрынин. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.

рии, советское руководство быстро пришло к выводу, что Советскому Союзу жизненно необходимо ядерное превосходство над американским стратегическим арсеналом»⁴⁷.

Но Макнамара продолжал настаивать на необходимости донести до Москвы реальное положение дел. В январе 1967 года президент Джонсон направил Алексею Косыгину (формально именно он был главой Советского государства) предложение начать переговоры по ограничению стратегических вооружений. При этом упор делался на ограничение системы противоракетной обороны. Чуть-чуть помедлив, СССР ответил согласием. И вот 23 и 25 июня в небольшом городке Гласборо на полпути между Нью-Йорком и Вашингтоном (так как Косыгин прибыл для участия в работе чрезвычайной, вызванной войной на Ближнем Востоке, сессии Генассамблеи ООН, в Кремле не хотели, чтобы он ехал в столицу США) состоялись переговоры советского премьера и американского президента. К сожалению, эти переговоры не привели к продвижению по вопросам стратегических вооружений. Косыгин, как вспоминал позже Джонсон, не очень хотел говорить на темы ПРО, его интересовала тема арабо-израильского конфликта. Более того, он, очевидно, даже не понимал взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями. По воспоминаниям Добрынина, «разгорячившись по ходу дискуссии (что с ним случалось редко), Косыгин громко и убежденно заявил: „Оборона – это морально, нападение – безнравственно!“»⁴⁸

---

⁴⁷ Aleksandr G. Savel'yev and Nikolay N. Detinov. *The Big Five: Arms Control Decision-Making in the Soviet Union*. Praeger Publishers, 88 Post Road West, Westport, CT 06881. 1995. Pp. 2–3.

⁴⁸ Ibid. с. 150.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.